- В тесте даны цитаты по русскому переводу с указанием страниц из русского перевода (жёлтой заливкой) Цитаты из подлинника даны в квадратных скобках с указанием страниц подлинника (соответственно, зелёной заливкой).
- Ссылки на рецензируемую книгу «Рискованная игра Сталина» даны прямо в тексте рецензии в круглых скобках. Ссылки на другие публикации, в том числе и самого М. Карли, даны в сносках.
- Имена людей и названия организаций, публикации в ссылках переведены в скобках и выделены голубой заливкой.
- Все имена действующих лиц в скобках даны по подлиннику книги М. Карли.

Алексей Всеволодович Никандров
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия

Aleksey V. Nikandrov[1]
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: bobbio71@mail.ru

Константы и антиномии сталинской геополитики первой половины 1930-х годов. Рецензия на книгу: Майкл Джабара Карлей, «Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг.» (Michael Jabara Carley. *“Stalin’s Gamble: The Search for Allies against Hitler, 1930–1936”*)[2].

Настоящая работа крупнейшего зарубежного специалиста по советской истории, профессора Монреальского университета Майкла Джабары Карли (Michael Jabara Carley) представляет собой вторую книгу его монументального панорамного трёхтомного исследования мировой политической динамики и дипломатических отношений основных стран в

[1] PhD in Politics, senior researcher of the Department of Theory of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

[2] Русский перевод: **Карлей, Майкл Джабара. Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг. М.: Кучково поле, 2023.**
Подлинник: **Michael Jabara Carley. Stalin’s Gamble: The Search for Allies against Hitler, 1930–1936. University of Toronto Press, Toronto, Buffalo, London, 2024.**

преддверии Второй мировой войны, главной точкой обзора которой является СССР и Иосиф Сталин (Joseph Stalin). Она является продолжением первой работы трилогии – книги «Тайная война: Запад против России, 1917–1930» (“Secret War: West against Soviet Russia, 1917–1930”), изданной в России в 2019 году[3]. Прежде чем перейти ко второй книге, скажу несколько слов о первой книге. В декабре 2019 года в Доме Российского исторического общества (Москва)[4] состоялась её презентация. Это событие вызвало огромный интерес у российских учёных, публицистов и политиков. На презентации выступила известный российский политолог и общественный деятель Вероника Юрьевна Крашенинникова (Veronica Krasheninnikova). Её перу принадлежит очень интересная книга «Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России» (.Russia and America. The Cold War of Cultures. How American Values Refract the Vision of Russia.) (2007)[5]. Вскользь добавим, что Вероника Юрьевна оказала большое содействие изданию работы журналистки и режиссёра-документалиста Фрэнсис Стонор Сондерс (Frances Stonor Saunders) «ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны» (“The Cultural Cold War The CIA and the World of Arts and Letters”)[6], название которой говорит само за себя. Книга Ф.С. Сондерс была издана под эгидой Института внешнеполитических исследований, главой которого является В.Ю. Крашенинникова. Под этими же ауспициями изданы две первых книги Майкла Карли – «Тайная война» и «Рискованная игра Сталина». По поводу издания на русском языке первой книги трилогии профессора Карли Вероника Крашенинникова сказала: «Мы, может быть, не отдаем себе отчёт в том, насколько уникальный случай Майкла Карлея, но других таких историков на Западе просто нет – по степени честности, по степени ответственности и глубины работы с историческими источниками»[7]. Сам

---

[3] **Карлей, Майкл Джабара. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М.: ИстЛит, 2019.** Carley M.J. *Secret War: West against Soviet Russia, 1917–1930.* Moscow: IstLit, 2019.

[4] Профессор Майкл Джабара Карлей представил свою книгу в Доме РИО // https://historyrussia.org/sobytiya/professor-majkl-dzhabara-karlej-predstavil-svoyu-knigu-v-dome-rio.html. Professor Michael Jabara Carley Presented his Book at the House of the Russian Historical Society // https://historyrussia.org/sobytiya/professor-majkl-dzhabara-karlej-predstavil-svoyu-knigu-v-dome-rio.html.

[5] *Крашенинникова В.* Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Европа, 2007. Krasheninnikova V. *Russia and America: The Cold War of Cultures. How American Values Refract the Vision of Russia.* Moscow, Evropa, 2007.

[6] *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2013. Saunders F.S. *The Cultural Cold War. The CIA and the World of Arts and Letters.* Moscow, Kuchkovo pole, 2013.

[7] Профессор Майкл Джабара Карлей представил свою книгу в Доме РИО // https://historyrussia.org/sobytiya/professor-majkl-dzhabara-karlej-predstavil-svoyu-knigu-v-dome-rio.html. Professor Michael Jabara Carley Presented his Book at the House of the Russian

профессор Карли, выступая на этой презентации, сказал: «Подобной такой книги нет ни по охвату, ни по глубине материала. Моя книга в какой-то степени устраняет актуальность большого объема западной литературы, который был написан до открытия доступа к советским архивам»[8]. Эти слова профессора Карли полностью можно отнести и к «Рискованной игре Сталина», которой посвящена настоящая рецензия.

Авторами предисловия к русскому изданию второй книги трилогии Майкла Карли являются Сергей Валерьевич Кудряшов (Sergey Kudryashov), российский историк, руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны (Институт российской истории РАН); и Вероника Крашенинникова. В своём Телеграмм-канале «Прогнозы. Крашенинникова» (https://t.me/s/PrognozyVK) она рассказала о речи Майкла Карли на презентации «Рискованной игры Сталина» на московском книжном фестивале «Красная площадь» 6 июня 2024 года. В частности, профессор Карли сказал: «Как вы знаете, чтобы стать хорошим историком международных отношений, вы должны быть в состоянии видеть и понимать обе стороны истории и ставить себя на место другого человека, где каждая сторона объясняет все, что нужно, чтобы рассказать свою историю, основываясь на архивных свидетельствах, честно и без предубеждений. В наши дни в западном мире это непростая задача, что касается меня, я думаю, что справился хорошо, но, конечно, вы будете моими самыми строгими критиками, судите сами»[9].

По правилам научного этикета, прежде чем переходить к заявленной теме, необходимо кратко отметить научную актуальность. То, что проблема внешнеполитических отношений СССР с западным миром накануне Второй мировой войны является актуальной, а лучше сказать, остроактуальной, – на этот счёт сомнений быть не может. Особенно острой она становится на фоне современных драматических глобальных событий в рамках глобальной стратегической нестабильности, предсказанной российским философом и политическим мыслителем Александром Панариным (Alexander Panarin) в его работе 2003 года «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (Strategic instability in the 21st century)[10]. Надо заметить, что в СССР и в современной России тема предвоенной дипломатии СССР всегда стояла в числе приоритетных. В Советском Союзе ей был посвящён огромный массив литературы. И в современной России эта тема не выходит из фокуса научного внимания, что абсолютно закономерно и неизбежно для нашего времени. Чтобы не быть голословным, приведу яркий пример: в 2020 году вышла большая фундаментальная монография известного отечественного

Historical Society // https://historyrussia.org/sobytiya/professor-majkl-dzhabara-karlej-predstavil-svoyu-knigu-v-dome-rio.html.

[8] Там же. Ibidem.

[9] https://t.me/s/PrognozyVK

[10] *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, 2004. Panarin A.S. *Strategic instability in the 21st century*. Moscow, Eksmo, 2004.

историка из Московского университета (Lomonosov Moscow State University), специалиста по внешней политике России Олега Айрапетова (Oleg Airapetov) «Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годов и история второй мировой войны» (“Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the History of the Second World War”)[11]. Она вышла в том же издательстве «Кучково поле» (Kuchkovo pole), что и книга Майкла Карли. В 2024 году вышла двухтомная монография Олега Айрапетова «История внешней политики Советского государства. 1918–1941» (“History of the Foreign Policy of the Soviet state. 1918–1941”)[12]. Теперь приступим всё-таки к книге Майкла Карли «Рискованная игра Сталина».

«Рискованная игра Сталина», как и другие работы профессора Карли, написана на основании архивных материалов, однако представляет собой не монотонное повествование, а чтение весьма увлекательное, динамичное. Не буду скрывать, что я не ожидал, что книга будет читаться настолько захватывающе, ведь, как правило, даже сами слова «архив», «архивные материалы» навевают скуку. Майкл Карли разубеждает читателя в том, что «архив – это скучно». И это очень важно, так как тут имеет место отражение динамичности политики в композиции и динамике исследовательского текста. Архивы как бы оживают под пером автора. Стиль книги – захватывающий, увлекательный, она читается как детектив. Персонажи выходят очень живыми, они не могут оставить читателя равнодушным, они вызывают целый спектр эмоций – от возмущения до восхищения. Однако при этом автор не отходит от принципов науки в угоду увлекательности и художественности повествования: структура книги выстроена строго, адекватно задаче, поставленной автором. Единственное, чего не хватает, и это читатель не может обойти своей претензией, – это обобщений, выводов, теории. Однако сам автор прямо предупреждает, что это не ставилось им в качестве задачи: «Я, как бы сказали французы, архивный крот, и я не успокоюсь, пока не доберусь до самых тайных глубин… если, конечно, сумею. Читатель уже понял, что я предпочитаю эмпирический подход. Меня слабо интересуют исторические “теории”, умопостроения, не подкрепленные обоснованными доказательствами и по возможности архивной базой» (С. 10). [“I am a digger rather than a skimmer – a rat des archives, the French would say – and am not satisfied until I have got to the bottom of my mysteries … if I can. As readers may surmise, my approach is empirical. I have never been much interested in ‘theories’ of history. I mean intellectual constructs unsupported by legitimate forms of evidence, or an archival base when apposite” (P. IX–X)].

---

[11] *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годов и история второй мировой войны. М.: Родина 2020. Airapetov O.R. *Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the History of the Second World War*. Moscow, Rodina 2020.

[12] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Советского государства. 1918–1941. В 2 т. М.: Кучково поле, 2024. Airapetov O.R. *History of the Foreign Policy of the Soviet State. 1918–1941*. Moscow, Kuchkovo pole, 2024.

Основной упор в книге сделан на усилиях советской дипломатии по построению системы коллективной безопасности в Европе в описывамый период[13]. Очень хорошо и развёрнуто показано, как СССР прилагал все мыслимые и немыслимые усилия в борьбе за мир. Поэтому главными героями являются непосредственные руководители советской дипломатии, прежде всего Максим Литвинов (Maksim Litvinov), который в книге затмевает даже и самого Сталина! Вообще, надо подчеркнуть то, что, судя по впечатлениям не только от этой книги, но и по другим работам профессора Карли, Максим Максимович Литвинов – самый любимый его герой. Вообще, книга показывает, что профессор Карли – человек очень искренний, неравнодушный (что, конечно, совсем не означает нарушения принципа sine ira et studio). В ней много портретов советских дипломатов, написанных не только с большим знанием фактологии, но и с искренней экспрессивностью. Это Иван Михайлович Майский (Ivan Maiskii), Борис Спиридонович Стомоняков (Boris Stomoniakov), Николай Николаевич Крестинский (Nikolai Krestinskii), Александр Антонович Трояновский (Aleksandr Troianovskii), Владимир Петрович Потемкин (Vladimir Potemkin), Валериан Савельевич Довгалевский (Valerian Dovgalevskii), Вячеслав Михайлович Молотов (Viacheslav Molotov), и многие другие. Интересно и живо представлены и европейские дипломаты и политики: Жозеф Поль-Бонкур (Joseph Paul-Boncour), Эдуард Эррио (Édouard Herriot), Пьер Лаваль (Pierre Laval), Луи Барту (Louis Barthou), Шарль Альфан (Charles Alphand), Эдуард Даладье (Édouard Daladier), Франклин Рузвельт (Franklin Roosevelt), Роберт Ванситтарт (Robert Vansittart), Энтони Иден (Anthony Eden), Джон Саймон (John Simon), Невилл Чемберлен (Neville Chamberlain), Уинстон Черчилль (Winston Churchill), Эдвард Бенеш (Eduard Beneš), и другие. Все они предстают перед читателем так, как если бы мы смотрели документальный и одновременно захватывающий политический триллер. Отдельными «героями» являются институции тех лет – Лига наций (League of Nations), Коминтерн (Comintern), Народный Комиссариат иностранных дел – НКИД (NKID, People's Commissariat for Foreign Affairs), и др.; и даже одна книга – понятно какая «Майн кампф» ("Mein Kampf"). – И, конечно же, государства тех лет: Франция, Германия, Англия, Польша и другие. В качестве «героев» книги они предстают как отдельные личности, каждая со своим характером, темпераментом, умственными и физическими способностями.

Если верить впечатлению, то два любимых советских дипломата профессора Карли – это Максим Литвинов и Иван Майский. Сделаю маленькое отступление о Иване Майском. Этот выдающийся советский дипломат и публицист дружил со знаменитыми деятелями и теоретиками социал-демократического движения Сиднеем и Беатрисой Вебб (Sidney &

---

[13] О борьбе СССР за коллективную безопасность см. также: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годов и история второй мировой войны. М.: Родина 2020. С. 238–245. Airapetov O.R. *Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the History of the Second World War*. Moscow, Rodina 2020. P. 238–245.

Beatrice Webb). Именно он через советского деятеля культуры и политики Карла Радека (Karl Radek) предложил Сталину идею издать их труд «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (Soviet Communism: A New Civilisation?) в СССР[14]. Двухтомный фундаментальный трактат был издан в 1937 году. Он представляет собой развёрнутое фундированное исследование советского общества 1930-х годов. Супруги Вебб выступают в своём трактате о советской цивилизации как учёные, проводящие анализ с соблюдением ряда методологических правил, установок и приёмов; зачастую прибегая к подробному и детальному описанию институтов. Тем не менее при всей сухости работа отнюдь не лишена пафоса и даже толики профетизма. Если кратко суммировать, каким предстаёт СССР в трактате Веббов, то надо употребить понятие «государство-цивилизация» ("State-civilization").

Но вернёмся к «Рискованной игре Сталина» Майкла Карли.

Дипломатическая панорама с её беспокойными движениями, постоянными нервотрёпками, – вот что находится в центре книги. Таково общее впечатление от текста. Но дело, конечно, не в сумбуре и турбулентности, ведь перипетии дипломатии являются прямым отражением нестабильности европейской политики 1930-х годов, противоречий интересов, крайней сложности в нахождении каких-либо решений, вечные стремления правительств и дипломатов европейских стран переиграть друг друга, склоки и недоверие, взаимные придирки и вечная дипломатическая полемика... Прячущиеся в песок евродипломаты, противоречащие самим себе европолитики, вечная хитрость которых доходит до того, что они с лёгкостью постоянно переигрывают самих себя, – и противостоящие им спокойные и выдержанные сталинские дипломаты и политики, – всё это прекрасно отражено в книге профессора Карли.

Нервозность и «эпилептичность», расхлябанность европейской дипломатии и политики контрастируют со спокойствием и выверенностью, кропотливостью и неторопливостью движений советской стороны. Профессор Карли даже называет отдельный параграф своей книги «Поразительное терпение» (С. 524–527) ["A Remarkable Patience" (P. 354–356)]. Он пишет: «Советский Союз в отношениях с британцами и французами был поразительно терпелив. Однако, с точки зрения СССР, у него не могло быть иных союзников в противостоянии с нацистской Германией, кроме тех, с которыми он так усердно пытался выработать общую позицию. Советскому правительству оставалось лишь проявить терпение и настойчивость» (С. 524). ["In some ways, Soviet patience with the British and French was remarkable, but if you looked at the situation from a Soviet point of view, the only available allies against Nazi Germany were those powers with which it was trying to move towards a common ground. The Soviet

---

[14] *Вебб С. и Б.* Советский коммунизм – новая цивилизация? Т. 1–2. Конституция. М.: Госсоцэкгиз, 1937. Webb S., Webb B. *Soviet Communism: A New Civilisation?* In 2 vol. Moscow, Gossotsekgiz, 1937.

government had no other options but patience and persistence" (P. 354)]. Безусловно, терпение было императивом времени для Сталина и СССР – но при этом терпение было и фундаментальной чертой советской политики, оказавшейся конгениальной первой половине 1930-х годов (как, впрочем, и другим временам). О сталинском спокойствии и выдержке ходят легенды. Так, известный американский журналист и бизнесмен Рой Говард, интервью которого со Сталиным состоялось в 1936 году, встпоминает: «Сталин был прекрасен. Он поразил меня, как проницательный, спокойный, сведущий человек, который знает точно, чего он желает. Он отвечал на мои вопросы так же, как я отвечаю на ваши. Не было никаких уверток или дипломатической водицы»[15].

Важнейшей идеей книги, которая получила выраженное звучание, по моему мнению, является демонстрация геополитического **реализма Сталина и СССР**. На самом деле, Сталин в книге почти не присутствует прямо. Он действует за пеленой событий, за завесой переговоров и столкновений мнений дипломатов, за геополитическим занавесом. Он – демиург советской политики, её перводвигатель. Но его присутствие от этого не становится чем-то эфемерным, вторичным. Наоборот, он является, но в скрытом виде, **главным героем книги**. Поэтому впечатление читателя не получается противоречивым из-за того, что книга называется «Рискованная игра Сталина», а самого Сталина в книге мало.

Итак, Сталин рисуется прежде всего как реалист. «Реализм» – это первое слово, которое хочется сказать как вердикт по впечатлению от его портрета и от его действий. В этом плане важны некоторые черты личности и политики Сталина, которые Майкл Карли показывает и в портрете, и в специальной зарисовке «Сталин как предприниматель» (С. 74–77). ["Stalin as Businessman" (P. 44–45)]. Тут надо вспомнить слова Майкла Карли из его выступления 2019 года на презентации «Тайной войны», в котором он заметил: «Вас может удивить, но большевики в итоге оказались хорошими бизнесменами»[16]. Оценка Сталина как «грузинского кулака» (С. 77) ["Georgian kulak" (P. 45)] весьма характерна: «Сталин торговался как кулак, когда речь шла о торговле, но даже кулаки соглашались заключить сделку на приемлемых условиях» (С. 75). ["Stalin haggled like a kulak when it came to business, but even a kulak would close the deal on acceptable terms"(P. 44)]. Из этого вытекает некоторая отстранённость Майкла Карли от проблем идеологии, идеологического противостояния Советской России и стран

---

[15] Цит. по: *Ахметов М.М.* Сталин. Разгадка Сфинкса. Караганда: Учебная книга, 2006. С. 250. Akhmetov M.M. *Stalin. The Rede of the Sphinx*. Karaganda, Uchebnaya kniga, 2006. P. 250.

[16] Профессор Майкл Джабара Карлей представил свою книгу в Доме РИО // https://historyrussia.org/sobytiya/professor-majkl-dzhabara-karlej-predstavil-svoyu-knigu-v-dome-rio.html. Professor Michael Jabara Carley Presented his Book at the House of the Russian Historical Society // https://historyrussia.org/sobytiya/professor-majkl-dzhabara-karlej-predstavil-svoyu-knigu-v-dome-rio.html.

капиталистического, то есть остального мира. Но, тем не менее, идеология и борьба идей присутствуют как скрытый фон борьбы людей.

Таким образом, показать ярко не самого Сталина, а внешнюю политику Сталина и Советского Союза как цепь реалистичных планов и вытекающих из них действий, – в этом и состоит **основной замысел автора**. «Рискованная игра» – это политико-дипломатическая деятельность Сталина и Советского правительства, исходящая из трезвой оценки реальной геополитической ситуации и реальных перспектив её развития в 1930-е годы. Почему здесь присутствует «риск», и почему же автор специально заостряет на этом внимание? Чем рисковал Сталин? Почему его политико-дипломатическая «игра» названа рискованной? Дело вот в чём. Вторая мировая война была предопределена итогами Первой, а приход Гитлера и дальнейшие события – это закономерность: континент неотвратимо катился к войне. Виной тому – неустранимые противоречия между великими державами и экзистенциальное недовольство Германии результатами Первой мировой войны, всей Версальско-Вашингтонской системой мировых отношений. возникшей на основе Версальского мирного договора 1919 года и решений Вашингтонской конференции 1921–1922 годов. Эту систему, которую создали государства-победители в Первой мировой войне – Великобритания, Франция, США, Япония, – практически все политики, идеологи и мыслители тех лет считали кратковременной, поскольку она не только не ликвидировала, а наоборот, обострила противоречия между ведущими мировыми державами. Риск состоял в том, чтобы своими действиями не спровоцировать военные противостояния случайно, преждевременно, а цель при этом – как можно дóльше оттягивать начало любых конфликтов, не только военных, – для лучшей подготовки к будущим военным столкновениям. Отсюда и тот спектр сталинских замыслов и действий, отсюда – и невероятная выдержка советской дипломатии, спокойствие и отсутствие пароксизмов и судорожных движений. Риск состоял также и в непредсказуемости, нервозности и шизофреничности политики ведущих и малых европейских стран, особенно Польши. Иметь дело с непредсказуемыми «партнёрами» – это всегда рискованное предприятие.

Как уже сказано, профессор Карли подчёркнуто избегает идеологических проблем, связанных в том числе и с внутренней советской политикой, с вопросами построения социализма и утверждения нового социально-политического строя, его идейного оформления и т.д. Realpolitik служит естественной защитой автору и его основным героям (дипломатам) от упрёков с разных сторон, связанных со сферой идей и идейного противоборства. И такой подход обоснован, ведь, по словам М. Карли, «Сталин сумел унять вечный зуд большевиков по поводу мировой революции и запустил пятилетний план индустриализации и коллективизации сельскохозяйственных земель. Из-за сложностей, вызванных этими внутриполитическими мерами, появилась дополнительная мотивация поддерживать правильные отношения с Западом» (С. 17). [“Stalin

calmed the Bolshevik itch to pursue world revolution and launched a five-year plan for industrialization and collectivization of agricultural lands. The troubles created by these domestic policies were an additional incentive to maintain correct relations with the Western powers" (P. 7)]. Сталин умел отделять идеологию от политики и от геополитики, подчинять идеологию задачам и целям государства. К примеру, вступление СССР в Лигу наций было продиктовано текущими геополитическими императивами, но противоречило идеологии марксизма, – и Сталин сумел этот акт осуществить, несмотря на идейные конфликты[17].

Следует, в общем ключе, выделить **два плана повествования**.

Первый **–** это отношения СССР со странами Европы. Эти отношения характеризуются высшей степенью противоречивости, столкновениями амбиций и политических желаний, хаотичностью и непрозрачностью, волнами эмоций, бурными страстями, – напряжённым шекспировским драматизмом. Майкл Карли пишет: «Европейская политика всегда была такой: с двойным дном и с ножами наготове, чтобы воткнуть друг другу в спину. В 1930-х годах это называлось дипломатией» (С. 52–53). ["It was always thus in European politics, wheels turning inside wheels, knives all the time ready to be unsheathed, to stab another in the back. That was what passed for diplomacy during the 1930s" (P. 29)]. Отношения СССР и Европы – постоянные колебания, шатания, скачки. Это – сфера импульсивности и нервозности, это – вечное обсессивно-компульсивное расстройство, маниакально-депрессивный психоз (буквально!) европейских политиков и дипломатов. Показать все эти черты автору удаётся очень хорошо. Возьмём, к примеру, Польшу. Живо и характерно показана внешняя политика Польши с её вечными конвульсиями и эпилептическими припадками, переходящими в эпилептический статус. Итоговый вердикт М. Карли точен и беспощаден: Польша в описываемые годы «окончательно утвердилась в своей роли вредителя европейской коллективной безопасности» (С. 283). ["settling into its role as spoiler of European collective security" (P. 187)]. Польша в лице своих политиков и дипломатов действовала алогично, иррационально, повинуясь не разуму, а каким-то психотическим мотивам обиды, желания мести, ненависти. Но эта политика Польши, если её можно назвать политикой, в плане перманентного психоза была стабильной: эта страна не отклонялась от «линии психоза», и её политика была психозом par excellence. В самом деле, сложно понять польские намерения и действия тех лет на сближение с Германией, определившие известную политику заигрывания с Гитлером и враждебности к СССР, – при том, что отношение Гитлера к славянам было в Польше прекрасно известно. Вот свидетельство советского писателя и поэта,

---

[17] О перипетиях реализации идеи вступления в Лигу наций см.: *Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество: борьбы и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011. Khormach I.A. *Return to the World Community: Struggle and Cooperation of the Soviet State with the League of Nations in 1919–1934*. Moscow, Kuchkovo Pole, 2011.

лауреата Сталинских премий Константина Симонова (Konstantin Simonov): «Враждебной нам продолжала оставаться и Польша, хотя было непонятно, как она может оказаться на стороне Германии, и тем не менее она оставалась враждебной нам вопреки логике»[18]. Ключевые слова здесь – **«вопреки логике»**, и это относится не только к Польше!

Однако особенно ярко, на мой взгляд, показ разброда и шатаний евродипломатии предвоенных лет получается на примере Франции – страны перманентной истерии и депрессии, мании и обсессии. К слову сказать, вполне провиденциально и уж во всяком случае не случайно, что первые нейролептики – это подарок миру от фармацевтов Франции. В 1950 году во Франции появился хлорпромазин (Chlorpromazine), а в 1952 году французские психиатры открыли его антипсихотическую активность. Они же первыми предложили и термин «нейролептик». Вскоре хлорпромазин получил широкую известность в США получил под торговым названием «Торазин» (Thorazine), а в СССР – «Аминазин» (Aminazin). Основное применение – купирование острых психозов, но также и долговременное лечение шизофрении. Препарат используется и по сей день. Такой вот интересный факт, на первый взгляд не имеющий никакого отношения ни к политике, ни тем более к дипломатии. Однако всё в мире и в политике взаимосвязано: между прочим, именно французские интеллектуалы-постмодернисты Жиль Делёз (Gilles Deleuze) и Феликс Гваттари (Félix Guattari) прочно связали шизофрению и капитализм в трактате, который так и называется – «Капитализм и шизофрения» (“Capitalisme et schizophrénie”) (1-й том – 1972, 2-й – 1980).

И ещё одно отвлечение от темы и от книги, уже историко-политическое. Описания французской политики и действий французских дипломатов заставляет вспомнить один интересный эпизод из истории Франции – это дело Дрейфуса (Affaire Dreyfus), отзвуки которого в описываемой период истории этой страны ещё не затихли. В ходе событий, которые называются «делом Дрейфуса», произошло рождение особого слоя людей – деятелей культуры и науки, которые стали заниматься проблемами политики, – т.е. интеллектуалов. Первыми интеллектуалами были писатель Эмиль Золя (Émile Zola) и политик Жорж Клемансо (Georges Clemenceau). Многие французские политики и дипломаты, действующие на страницах книги профессора Карли, так или иначе соприкасались или имели отношение к делу Дрейфуса. Дело Дрейфуса в начале XX века превратилось в событие, получившее невероятный общественный резонанс и имевшее большой политический эффект во Франции и в мире, вошедшее в историю. Вкратце следует сказать, что политической сущностью дела Дрейфуса было противостояние сторонников республики, демократии и светского государства – с монархистами, националистами и клерикалами. Очень

---

[18] *Симонов К.В.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: Новости, 1989. С. 75. Simonov K.V. *Through the Eyes of a Man of My Generation. Reflections on Joseph Stalin*. Moscow, Novosti, 1989. P. 75.

подробно дело Дрейфуса освещено в моей книге «Интеллектуалы и политика. Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в культурно-историческом контексте XX века» (“Intellectuals and Politics. Norberto Bobbio’s Conception of the Political Role of Intellectuals in the Cultural and Historical Context of the 20th century”). Но вернёмся к книге Майкла Карли[19].

Второй план повествования – это отношения СССР и США, которые в описываемый период получили своё начало[20]. Эти отношения, конечно, непростые и отчасти драматичные, но в них было куда как больше логики и смысла, чем в нервных и сумбурных отношениях СССР с вечно расколотой Европой, – и особенно Англией, которая в свою очередь находилась и с Европой, и с Россией в очень непростых и противоречивых отношениях. Совершенно ясно, что политика сближения двух будущих сверхдержав находилась в центре внимания Сталина и была его инициативой. Вождь СССР убирал любые препятствия с этого пути, и автор прямо показывает, что в этом отношении «Сталин чётко расставил приоритеты» (С. 285). [“Stalin had set the priorities” (P. 188)] и не отклонялся в сторону. Установление стабильных отношений с Соединёнными Штатами было одним из первых приоритетов сталинской политики.

В отношениях СССР и США, развитие которых в годы, охватываемые книгой, было достаточно драматичным, было всякое. Поэтому большое внимание уделяется «старому конфликту между идеологами и предпринимателями, которые хотели заключать контракты с СССР» (С. 65). [“It was the old split between ideologues and businessmen in search of contracts in the USSR” (P. 38)]. Соответственно, здесь имплицитно поднимается тема противостояния идеологии и реальной политики, или, можно сказать, идеологии и торговли. Очень хорошо М. Карли показывает, что, когда надо, претензии откладывались в угоду торговым интересам: всё-таки американцы – прежде всего торговцы, а уж потом – политики, идеологи, религиозные адепты... Понятно, вся ситуация с американо-советскими отношениями кардинально изменилась с приходом Ф.Д. Рузвельта, который смог приглушить оппозицию, мешающую признанию СССР. В книге, помимо прочего, даётся портрет Уильяма Буллитта (С. 294–306). [William C. Bullitt (P. 195–204)]. Это – фигура многозначительная, отчасти таинственная. По

---

[19] *Никандров А.В.* Интеллектуалы и политика. Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в культурно-историческом контексте XX века. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. (https://elibrary.ru/item.asp?id=27455397). Nikandrov A.V. *Intellectuals and Politics. Norberto Bobbio’s Conception of the Political Role of Intellectuals in the Cultural and Historical Context of the 20th century*. Moscow, Izdatel Vorobyev A.V., 2016. (https://elibrary.ru/item.asp?id=27455397).

[20] О развитии отношение с Соединёнными Штатами см. также: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годов и история второй мировой войны. М.: Родина 2020. С. 217–224. Airapetov O.R. *Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the History of the Second World War*. Moscow, Rodina 2020. P. 217–224.

некоторым гипотезам, образ Воланда (Woland) из романа Михаила Булгакова (Mikhail Bulgakov) «Мастер и Маргарита» (“Master and Margarita”) был списан именно с У. Буллита[21].

При этом М. Карли сообщает такие подробности, которые российскому исследователю малоизвестны, в том числе касательно его отношений с Дж. Кеннаном (George Frost Kennan), – и это несмотря на то, что в нашей стране обе эти личности всегда находились под пристальным вниманием, и, казалось бы, мало что могло ускользнуть от пытливого взора наших историков и других учёных. Это касается его отношений с Джоном Ридом и с его вдовой. Но не будем останавливаться на этих отношениях.

Таковы два главных плана дипломатической панорамы, из которых первый полон сумбура и множества немыслимых эмоций, второй же вполне логичен и поддаётся разумному анализу. Если говорить об общем резюме сталинской политики описываемого времени и вообще самой по себе, в целом, то она хорошо определяется словами Сталина, который тот произнёс на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году. Они цитируются профессором Карли: «Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний» (С. 235). [“Our orientation in the past and our orientation at the present is towards the USSR and towards the USSR alone. And if the interests of the USSR demand rapprochement with one country or another which is not interested in disturbing the peace, we adopt this course without hesitation” (P. 153)].

Интересен также и один как бы скрытый план повествования, некий скрытый герой, который прямо в книге не присутствует, но постоянно появляется на фоне сюжета. Это – Коминтерн. Однако о нём следует сказать после того, как будет обрисован «сталинский поворот» (Stalin’s political turn).

Последний герой, образ которого дан ярко, но достаточно сдержанно, научно корректно, – это герой отрицательный. Интересен этот отрицательный герой тем, что в то время, о котором идёт речь, он находился еще в своём раннем возрасте, в становлении. Отсюда, собственно, и взвешенность автора в его оценках, ведь на тот момент отнюдь не всем было ясно, что именно вырастет из этого «существа»; а профессор Карли соблюдает исторический принцип событийности. Этот герой – Германия. Германия очень быстро дала понять о своих целях и намерениях – и СССР первым в Европе озаботился проблемами международной безопасности. По словам М. Карли, «Политбюро одобрило новую политику, основанную на Лиге и коллективной безопасности, для укрощения нацистской Германии»

---

[21] Эта гипотеза была выдвинута Александром Эткиндом (Alexander Etkind): *Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Гнозис, 1994. *Etkind A. Eros of the Impossible. History of Psychoanalysis in Russia*. St. Petersburg: Gnosis, 1994.

(С. 303). [“the Politburo had approved a new policy based on the League and collective security to rein in Nazi Germany” (P. 202)]. Автор книги хорошо показывает сущность новой германской политики, цели которой новые руководители этого агрессивного государства не скрывали. Однако европейские политики и дипломаты, а также элиты в целом крайне слабо и нерешительно реагировали на явно захватнические планы – пока что только планы – Германии. Многие, в частности, политики Польши, полагали, что агрессия Германии будет направлена исключительно на Советский Союз, и рассчитывали на этом «погреть руки». К чему это приведёт в скором времени в случае с Польшей – известно. Иные же попросту не хотели видеть очевидного – и «успешно» не видели.

Советские усилия поэтому оставались без поддержки, советские инициативы пропадали в мутной воде желаний и тайных вожделений элит Англии, Франции и мелких стран вроде Польши. Гитлер задолго до прихода к власти в своей книге 1925 года в более чем откровенной форме высказал свои будущие планы – тогда они были фантазиями. После 1933 года любой трезвомыслящий человек должен насторожиться: эти зловещие фантазии фюрера запросто могут быть воплощены в жизнь и уже активно воплощались. Но нет: всерьёз писания Гитлера воспринимали только советские политические деятели и советские идеологи, западные же политики проходили мимо. М. Карли неустанно подчёркивает, что несмотря на все усилия СССР «советские призывы остались без внимания. Европейские элиты не верили тому, что видели собственными глазами или о чем читали в “Майн кампф”. Потенциальные участники антинацистской коалиции откололись один за другим». (С. 749). [“Soviet calls for unity went unheeded. European elites would not believe what they saw before their eyes or could read in *Mein Kampf*. One by one, the potential members of an anti-Nazi coalition fell away” (P. 508)].

Интересно, что приписывание зловещих планов не германскому фюреру, который, ещё раз повторим, их не скрывал и впоследствии воплотил, а Сталину, – характерно и для некоторых современных европейских историков и особенно пропагандистов. Майкл Карли говорит: «Многие западные историки на протяжении долгого времени (а сейчас еще чаще, чем раньше) утверждают, что Сталин, несмотря на все его заверения, оставался безжалостным лжецом и бессовестным большевиком, помешанным на идеях мировой революции, а советские предложения о сотрудничестве против нацистской Германии были обманом, военной хитростью и так далее» (С. 749). [“Many Western historians have long held, and now more than ever, that Stalin, whatever he might say, was still the ruthless, lying, unscrupulous Bolshevik bent on world revolution. The Soviet offers of cooperation against Nazi Germany were bogus, a ruse de guerre, and so on” (P. 508)]. Тут также надо привести слова профессора Карли, сказанные на презентации «Рискованной игры Сталина» в июле 2024 года: «Мои критики очень плохо понимают, почему главной темой моих книг является то, что Советский Союз был единственным государством в 1930-х годах,

действительно приверженным организации коллективной безопасности и взаимопомощи против нацистской Германии»[22].

Но приписывание лжи – старый и испытанный приём западной антисоветской и антироссийской пропаганды. А то, что факты говорят об обратном – это мало кого волнует. Здесь необходимо сосредоточиться на том, о чём в книге М. Карли не сказано, – но это и не входило в планы учёного. Я же позволю себе прояснить ряд важных моментов относительно мировой революции и приписывания Сталину и вообще СССР планов по разжиганию «мирового пожара». С этим связана и «демонизация» Коминтерна, о которой было хорошо сказано в книге. Речь пойдёт о так называемом сталинском «консервативном повороте», или о «сталинском повороте» 1930-х годов. Этот экскурс, как я полагаю, важен для более глубокого понимания мировых событий тех лет и самой книги М. Карли.

Тема «сталинского поворота», осуществляемого Иосифом Сталиным с начала 1930-х гг., не очень хорошо исследована в научной литературе и публицистике – постсоветской и зарубежной. Об этом в разные времена и с разных позиций писали самые разные авторы: учёные, политики, идеологи. Назовем имена Льва Троцкого (Leon Trotsky) с его «Преданной революцией» (“Betrayed Revolution”), Георгия Федотова (Georgy Fedotov) с его концепцией «сталинократии» (Stalinocracy), Михаила Агурского (Mikhail Agursky) с его очень спорной, но очень важной книгой «Идеология национал-большевизма» (“Ideology of National Bolshevism”), известного идеолога национал-большевизма Николая Устрялова (Nikolai Ustryalov), Владимира Паперного (Vladimir Paperny) с его знаменитой книгой «Культура Два» (“Culture Two”), Дэвида Бранденбергера (David Brandenberger) с его концепцией сталинского руссоцентризма (Stalin’s Russocentrism), Николая Тимашева (Nikolai Timasheff) с его знаменитой монографией «Великое отступление» (“The Great Retreat”), Александра Дубровского (Alexander Dubrovsky), Вадима Роговина (Vadim Rogovin), Вадима Кожинова (Vadim Kozhinov), Александра Вдовина (Alexander Vdovin), Юрия Жукова (Yuri Zhukov).

Наиболее ранние реакции и оценки принадлежат противнику Сталина – Льву Троцкому. Смысл оценок Троцкого может быть выражен его же словами, носящими обвинительный характер, – «преданная революция», «термидор», «контрреволюция». Основные работы Троцкого этого плана писались начиная с 1936 года. Примерно в том же ключе и в то же время оценивал внутриполитические изменения в СССР и связанную с ними новую внешнеполитическую риторику философ Георгий Федотов. Он называл их «контрреволюцией, проводимой сверху», «ликвидацией коммунизма». При чтении критических эссе Г. Федотова иногда возникает удивление: хотя этот философ не был последователем Троцкого, равно как не был он вообще

[22] https://t.me/s/PrognozyVK

политиком, – тем не менее его произведения производят впечатление, будто бы они написаны убеждённым троцкистом.

Сталинский «консервативный поворот», как его нередко именуют, – это поворот от интернационализма к этатизму и связанному с ним патриотизму, к народоцентризму и государствоцентризму. Эту цепь событий, инспирированных лично Сталиным, часто называли «сталинской революцией сверху». Идеи мировой пролетарской революции и единства пролетариата всего мира отходили на задний план. Идеи же патриотизма, любви в Родине, к Советскому государству, наоборот, воспевались и превозносились. Принципы революционной законности отбрасывались, традиционное же понимание права возвращалось. В юридическом плане ученые часто говорят о повороте к традиционному правопорядку. Государство, его потребности и перспективы, его сила и стабильность – вот что было в центре мысли и деятельности Сталина.

Научное освещение всей цепи изменений впервые дано в большом панорамном труде Николая Тимашева «Великое отступление» (1946)[23]. Наиболее же точное определение сути этих событий, как мне кажется, принадлежит практически не известному на Западе и малоизвестному в России автору книги воспоминаний «Свидетель социализма» (“Witness of the Era of Socialism”) Игорю Шабалину (Igor Shabalin): это «поворот политики ожидания Мирового Октября и его подготовки к политике Абсолютного Государства»[24].

Несомненно, изменения были очень важными и подчас неожиданными. Оттого и интерес к ним был серьёзный и глубокий. Учёные исследуют причины и ход поворота, новации в риторике, новые практики, частичное возрождение дореволюционных традиций и символов, новации культуры (прежде всего архитектуры и литературы). В советскую культуру возвращались имена великих русских поэтов и писателей, военачальников и деятелей науки и культуры, и даже царей, вычеркнутые ультрареволюционными гонителями всего «старого» и «реакционного». Революционеры, борцы с царизмом, которые не умели ничего кроме как разрушать и «бороться», сами начали подвергались преследованиям. По иронии судьбы, они обвинялись в контрреволюционной деятельности.

Поворот был волной огромной силы. Казалось бы, вот-вот вернутся не только имена царей, но и сам царь – теперь уже красный император в лице Сталина. Георгий Федотов в своей статье «Сталинократия» утверждает, что Сталин и есть «красный царь», а новый режим вполне заслуживает название

---

[23] *Timasheff N.S.* The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. N.-Y., E.P. Dutton & Co, Inc., 1946.

[24] *Шабалин И.Д.* Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1998. С. 45. Shabalin I.D. *Witness of the Era of Socialism. Reflections on a Bygone Epoch*. Moscow, I.D. Sytin's Foundation, 1998. P. 45.

монархии[25]. Но в этой же статье философ задумывается о том, почему же не происходит отказа от марксизма, раз уж это учение отброшено; почему эта «декорация» остаётся в силе, «почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?»[26]. Очевидно, и это хорошо понимает Г. Федотов, что без идеологии советская власть существовать не может. Он пишет: «Всякая власть нуждается в известной идеологии. Власть деспотическая, тоталитарная больше всякой иной. Но создать заново идеологию, соответствующую новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынешних правителей России»[27].

Конечно, приравнивание всей суммы изменений в СССР к отказу от коммунизма, к отказу от большевизма и т.д., – это сильное упрощение, это – ригоризм, весьма далёкий от реальности. Создавать заново идеологию никто не собирался, ибо никакая «новая идеология» не была нужна для государства, в котором частная собственность была ликвидирована, вся средства производства принадлежали государству, а весь народ становился трудящимися на службе у Советского государства. Возвращение имён Петра I, Ивана Грозного, Александра Невского, Минина и Пожарского, званий и погон вплоть до генерала, учёных степеней кандидата и доктора наук, – всё это не вело к возвращению частной собственности и к отмене всеобщей государственной собственности. Не означало это и «отмену» марксизма как единственной идеологии. Для нового советского этатизма марксизм как идеология хорошо подходил.

В этом плане становится понятной история Коминтерна, его судьба в 1930-е годы, и неоднозначное отношение к этой могущественной организации со стороны европейских идеологов и политиков. Отношение это было двойственное. С одной стороны, Коминтерн использовался как «доказательство» якобы агрессивных планов Советского государства, поставившего, по этой логике, целью своей политики свержение западных правительств, разжигание везде пожара революции и т.д[28]. С этим был связан страх Запада перед «Коминтерном и красным флагом» (С. 292) [“the Comintern and the red flag” (P. 193)]. С другой, реальные действия западных политиков не говорят нам о серьёзных опасениях Запада, связанных с деятельностью Коминтерна. С третьей, Коминтерн часто путался под ногами

---

[25] *Федотов Г.П.* Сталинократия // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб.: Наука, 1992. С. 349. Fedotov G.P. Stalinocracy. In: *Thinkers of the Russian Diaspora: Berdyaev, Fedotov*. St. Petersburg: Nauka, 1992. P. 349.

[26] Там же. С. 347. Ibid. P. 347.

[27] Там же. Ibidem.

[28] Об этом см. подробно: Agnew J., McDermott K. *The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin*. Bloomsbury Publishing, N.-Y., 1996. Тамже см. книгу Вадима Роговина: *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. М.: Республика, 1994. Rogovin V.Z. *Stalin's neo-NEP*. M.: Respublika, 1994.

у советских дипломатов, мешая им проводить свою линию. Это было связано, разумеется, с особой идеологической направленностью Коминтерна, деятельность которого до 1935 года, когда состоялся последний, VII-й конгресс Коминтерна, была определена принципами мировой революции, всеобщего пролетарского восстания и т.д. Как справедливо отмечает профессор Карли, Коминтерн в 1920-е годы был заклятым врагом не только Запада, но и НКИД (С. 18). ["On the other hand, during the 1920s, the Comintern, the nemesis of the NKID as well as of the West" (P. 6)].

Да, конечно, М. Карли справедливо утверждает, что «настоящим бельмом на глазу для Запада был основанный в 1919 году Коммунистический Интернационал (Коминтерн), созданный не только для того, чтобы служить делу мировой революции, но и чтобы защищать СССР от иностранного вмешательства» (С. 16). ["The West's *bête noire* in Moscow was the Communist International, or Comintern, established in 1919 not only to pursue the cause of world revolution, but also to defend Soviet Russia against foreign intervention" (P. 4)]. Однако жёсткий идеологизм, идейный ригоризм Третьего Интернационала уже около начала 1930-х годов стал мешать этой второй его задаче. Стало быть, деятельность Коминтерна должна быть перенаправлена, а его общее руководство – изменено. Это и было сделано в 1935 году, когда задачи Коминтерна были, по сути дела, подчинены задачам советской внешней политики. Этот пласт советской истории талантливо раскрывается в книге Майкла Карли: «До сих пор существует мнение, что в межвоенные годы советской внешней политикой занимался Коминтерн, и в ней главенствовали идеи мировой революции. Концепт "национального интереса" не очень активно использовался в Москве. Но эти утверждения легко опровергаются при внимательном изучении советских архивов. После укрепления Сталиным своих позиций Коминтерн отошел на задний план» (С. 19). ["A persistent idea survives that the Comintern conducted Soviet foreign policy during the interwar years, or that the priorities of world revolution dominated it. "National interest" was not a concept much in use in Moscow. Such assertions do not stand up well in a close examination of Soviet archives. After Stalin consolidated his power, the Comintern faded into the background" (P. 7)].

Сталин откорректировал структуру и управление Коминтерном – и в итоге внешняя политика перестала задыхаться в идеологических тисках: «Постепенно к Коминтерну стали привыкать даже капиталисты. Он был как камень в резиновом сапоге, который нельзя вытряхнуть, пока не выберешься из болота. Западные страны и открыто, и в кулуарах полагали, что СССР должен отказаться от социализма и перейти к капитализму, как все остальные страны. Но с чего бы Сталину и его коллегам принимать такое решение? А капиталисты сами были готовы отказаться от капитализма?» (С. 19). ["Even capitalists were getting used to the Comintern. It was, like a stone in your rubber boot, which you could not take off until you stepped out of the bog. Among the Western powers, the said and unsaid idea was that the Soviet Union should abandon socialism and embrace capitalism, thus behaving like every other

state. Why should Stalin and his colleagues do that? Would capitalists ever abandon capitalism?" (P. 7)]. Упрёки западных политиков стали скорее ритуальными фразами и «возмущёнными» речами, производимыми «по старой памяти» – именно это имеет в виду М. Карли, когда пишет, что «когда в 1935 году Коминтерн официально перешел к стратегии единого фронта против фашизма, это не успокоило, а еще больше разволновало английских и французских консерваторов» (С. 478). ["Ironically, the Comintern formally went over to a 'united front' strategy against fascism in 1935, which instead of reassuring AngloFrench conservatives, disquieted them even more" (P. 323)].

В самом начале книги Майкл Карли сказал, что его «слабо интересуют исторические "теории", умопостроения, не подкрепленные обоснованными доказательствами и по возможности архивной базой» (С. 10). ["I have never been much interested in 'theories' of history. I mean intellectual constructs unsupported by legitimate forms of evidence, or an archival base when apposite" (P. X)]. И в самом деле, в «Рискованной игре Сталина» автор делает немного обобщений, не создаёт специальную теоретическую базу, почти не проводит аналогий. Но это вовсе не означает, что Карли как историк совершенно чужд теории, историософии. Так, первая книга трилогии, «Тайная война» прямо начинается с провозглашения чисто историософского принципа о том, что Холодная война началась с Октябрьской революции: «Большинство западных историков считают, что холодная война началась после Второй мировой, но на самом деле *великая идеологическая борьба* между Западом и Советской Россией началась в 1917 г., в тот день, когда большевики захватили власть в Петрограде, столице России. "Красная угроза" и политика сдерживания появились в 1918–1919 гг., а не в 1946–1947. Поначалу конфликт вовсе не был "холодной" войной – он был обжигающе горячим. Большевики выступали за мировую социалистическую революцию, ошеломив и разъярив западных руководителей. <...> Советское видение враждебного капиталистического мира ни в коей мере не было сюрреалистическим. Западные державы были решительно настроены уничтожить Советскую власть, им лишь не хватало средств, чтобы реализовать свои намерения» (курсив мой. – *А.Н.*)[29]. Следует заметить, что подобная концепция о том, что началом Холодной войны стала Октябрьская революция 1917 года, развивалась авторами книги «Первая Холодная война. Наследие Вудро Вильсона в Советско-Американских отношениях» ("The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. – Soviet Relations Hardcover") – Дональдом Дэвисом и Юджином Трэйни (Donald Davis & Eugene Trani)[30].

---

[29] *Карлей МДж.* Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М.: ИстЛит, 2019. С. 24. Carley M.J. *Secret War: West against Soviet Russia, 1917–1930*. Moscow: IstLit, 2019. P. 24.

[30] *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая* Холодная война. Наследие Вудро Вильсона в Советско-Американских отношениях. М.: Олма, 2002. Davis D.E., Trani E.P. *The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. – Soviet Relations Hardcover*. University Press, Colombia, 2002.

То, что историософии почти нет во второй книги трилогии, не означает какого-то отстранения автора от проблем теоретического обобщения исторического материала, ведь профессор Карли – учёный. Просто таков замысел этой книги. В других работах он касается существенных вопросов теории истории и предлагает концептуальное видение анализируемого исторического материала. И для полноты картины надо об этом сказать. Конечно, моя задача – рецензия «Рискованной игры Сталина», и я не могу сильно отклоняться от этой задачи. Но буквально несколько слов всё же скажу о статье Майкла Карли «Отделяя зерна от плевел: истоки второй мировой войны» (“Separating the Wheat from the Chaff: the Origins of the Second World War”), опубликованной в российском «Журнале российских и восточноевропейских исследований» (“Journal of Russian and East European Studies”) в 2019 году. В ней он проводит важные для более глубокого понимания этой книги и, соответственно, для достижения нашей задачи обобщения. В этой же публикации он чётко формулирует свою задачу, выражая возмущение тем, что в последние годы усилилась тенденция к полному оправданию политики умиротворения Германии со стороны Франции и Англии. Он пишет, что под влиянием идеологических императивов «исторические оценки меняются, и новое поколение историков усомнились в том, что Францию ввергли в пропасть, а Британию поставили на ее грань представители слепой и прогнившей элиты. Они настаивают на том, что у французского и британского правительств не было ни средств, ни оружия для перевооружения, поэтому они были вынуждены всеми силами оттягивать начало войны. Умиротворение не было проявлением малодушия; оно было “рациональным шагом”, необходимым, чтобы выиграть время»[31].

Установился своего рода «западный консенсус», суть которого в приравнивании роли СССР и гитлеровской Германии в развязывании Второй Мировой войны, тогда как западные государства были здесь якобы «ни при чём». Все эти веяния подрывают правду истории, превращают историю в банальную пропаганду. Против этого и выступает профессор Карли. Правда же не очень приятна для европейских «умиротворителей» Гитлера 1930-х годов. В самом деле, для западных государств тех лет было лучше получить реноме наивных простаков, чем расчётливых геополитических мошенников, которые хотели «урвать свой кусок» и делали вид, что пытаются «умиротворить» того, кого умиротворить было невозможно.

Профессор Карли её раскрывает, утверждая, что для европейских элит «главным вопросом 1930-х был вопрос, “кто враг номер один”, нацистская Германия или СССР? И слишком часто представители верхов, не все, но многие, давали неверный ответ. Они предпочитали сближение с нацистской

---

[31] *Карлей М.Дж.* Отделяя зерна от плевел: истоки второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2019. № 4. С. 65. Michael Jabara Carley. Separating the wheat from the chaff: the origins of the Second World War. *Journal of Russian and East European Studies* [Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh issledovaniy. 2019. № 4]. 2019. No. 4. P. 65.

Германией коллективной безопасности и взаимопомощи с СССР. Фашизм олицетворял для европейских элит власть, мощь и мужественность»[32]. – И далее: «Осенью 1936 г. попытки Советского Союза выстроить систему коллективной безопасности окончательно провалились, и СССР оказался в изоляции. *Никто* не хотел объединяться с Москвой против нацистской Германии; *все* упомянутые выше страны вели переговоры с Берлином, чтобы отвадить волка от собственного порога. Даже Чехословакия. Открыто или негласно все надеялись, что Гитлер повернется на Восток – против СССР»[33].

Все эти причины побудили Майкла Карли написать правдивую историю, правдивые книги.

* * *

Таким образом, в книге Майкла Карли показана динамичная картина советской внешней политики с её кульбитами и дипломатическими реверансами, нетвёрдостью западных держав и решительностью советской дипломатии. Для современной российской науки книга профессора Карли – это неожиданная и приятная находка, подарок, – ведь обычно от западных авторов мало кто ждёт серьёзных, вдумчивых и, главное, спокойных исследований на тему об СССР и Сталине. Поэтому вдвойне, втройне радостно видеть столь фундаментальное исследование, выполненное на основе архивных материалов. К слову сказать, книга была очень тепло принята российской научной общественностью и российскими политическими публицистами. И это хороший знак!

Насколько поучительна вся эта история – то, что описано в трилогии Майкла Карли – для нас, для наших дней? Ведь в его книгах, посвящённых сложному периоду между Первой и Второй мировыми войнами, очень много важных наблюдений, которые могут дать пищу для размышлений о современной политики европейских и восточноевропейских стран. Есть ли параллели и аналогии тех событий с реалиями современности? Полагаю, что эти вопросы следует оставить открытыми.

---

[32] Там же. С. 80. Ibid. P. 80.
[33] Там же. С. 81–82. Ibid. P. 81–82.